

В. Г. Белинский

Тарантас. Путевые впечатления

Виссарион Белинский

Тарантас. Путевые впечатления

«Public Domain»

1845

Белинский В. Г.

Тарантас. Путевые впечатления / В. Г. Белинский — «Public Domain», 1845

«Нечего и говорить, что появление книги, которая слишком далеко выходит из-под этого уровня, должно быть истинным праздником для критики. К таким редким книгам принадлежит «Тарантас» графа Соллогуба. Несмотря на то, что из двадцати глав, составляющих это произведение, целых семь глав были напечатаны в «Отечественных записках» еще в 1840 году, «Тарантас» — столько же новое, сколько и прекрасное произведение, которое своим появлением составило бы эпоху и не в такое бедное изящными созданиями время, каково наше...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	9
Комментарии	

Виссарион Григорьевич Белинский

Тарантас. Путевые впечатления

Сочинение графа В. А. Соллогуба. Санкт-Петербург. 1845

В современной русской литературе журнал совершенно убил книгу. Между разным балластом, все-таки только в журналах, – разумеется, лучших (которых так немного), – можно встречать более или менее замечательные произведения по части изящной литературы. Сюда должно отнести еще сборники, или альманахи: в лучших из них тоже попадаются иногда хорошие пьесы^{1[16]}. Но хорошая книга теперь истинная редкость, так что критикам и рецензентам *ex officio*² приходится хоть совсем не упоминать о книгах и вместо их разбирать вновь выходящие книжки журналов и даже листки газет. Тем большее внимание должна обращать критика на всякую книгу, сколько-нибудь выходящую из-под уровня посредственности. Нечего и говорить, что появление книги, которая слишком далеко выходит из-под этого уровня, должно быть истинным праздником для критики. К таким редким книгам принадлежит «Тарантас» графа Соллогуба. Несмотря на то, что из *двадцати* глав, составляющих это произведение, целых *семь* глав были напечатаны в «Отечественных записках» еще в 1840 году, «Тарантас» – столько же новое, сколько и прекрасное произведение, которое своим появлением составило бы эпоху и не в такое бедное изящными созданиями время, каково наше. Семь глав «Тарантаса», давно уже известных публике, давали понятие только о достоинстве целого произведения, а не о идее его, прекрасной и глубокой, которую можно понять только по прочтении всего сочинения, проникнутого удивительною целостностью и совершенным единством. Многие видят в «Тарантасе» какое-то двойственное произведение, в котором сторона непосредственного, художественного представления действительности превосходна, а сторона воззрений автора на эту действительность, его мыслей о ней будто бы исполнена парадоксов, оскорбляющих в читателе чувство истины. Подобное мнение несправедливо. Те, кому оно принадлежит, не довольно глубоко вникли в идею автора, и *объективную* верность, с какою изобразил он характер одного из героев «Тарантаса» – *Ивана Васильевича*, приняли за выражение его личных убеждений, тогда как на самом деле автор «Тарантаса», столько же может отвечать за мнения героя своего *юмористического* рассказа, сколько, например, Гоголь может отвечать за чувства, понятия и поступки действующих лиц в его «Ревизоре» или «Мертвых душах». Между тем ошибочный взгляд лучшей части читателей на «Тарантас» очень понятен: при первом чтении может показаться, будто бы автор не чужд желания, хотя и не прямо, а предположительно, высказать, через Ивана Васильевича, некоторые из своих воззрений на русское общество, – и тем легче увлечься подобным ошибочным мнением, что необыкновенный талант автора и его мастерство живописать действительность лишают читателя способности спокойно смотреть на картины, которые так быстро и живо проходят перед его глазами. Мы сами на первый раз увлеклись резким противоречием, которое находится между этими беспрестанно сменяющимися и беспрестанно поражающими новым удивлением картинами, и между странными – чтоб не сказать, нелепыми мнениями Ивана Васильевича. Это заставило нас забыть, что мы читаем не легкие очерки, не силуэты, а произведение, в котором характеры действующих лиц выдержаны

¹ Так, например, в альманахе «Вчера и сегодня» публика прочла два отрывка из двух сочинений в прозе, начатых Лермонтовым, и прекрасный юмористический рассказ графа Соллогуба «Собачка». ^[16]

^[16] Первая книга литературного сборника, составленного графом В. А. Соллогубом, «Вчера и сегодня» вышла в свет в 1845 году. Незаконченные отрывки из повестей Лермонтова, здесь напечатанные: «У графини В... был музыкальный вечер...» и «Я хочу рассказать нам...». Рассказ Соллогуба «Собачка», выразительно рисующий нравы уездных чиновников, был написан на основе устных воспоминаний М. С. Щепкина.

² По должности. – *Ред.*

художественно и в котором нет ничего произвольного, но все необходимо проистекает из глубокой идеи, лежащей в основании произведения. Таким образом берем назад свое выражение в рецензии о «Тарантасе» (в 4-й книжке «Отечественных записок»), что в нем вместе с дельными мыслями, много и парадоксов.^[1] Только в XV и XVI-й главах автор «Тарантаса» говорит с читателем от своего лица; и вот – кстати заметить – эти-то главы больше всего сбивают читателя с толку, раздвоя в его уме произведение графа Соллогуба и ужасая его множеством страшных парадоксов. Но мы не скажем, чтоб это были парадоксы: это скорее мнения, с которыми нельзя согласиться безусловно и которые вызывают на спор. Последнее обстоятельство дает им полное право на книжное существование: с чем можно спорить и что стоит спора, – то имеет право быть написанным и напечатанным. Есть книги, имеющие удивительную способность смертельно наскучать читателю, даже говоря все истину и правду, с которою читатель вполне соглашается; и, наоборот, есть книги, которые имеют еще более удивительную способность заинтересовать и завлечь читателя именно противоположностью их направления с его убеждениями; они служат для читателя поверкою его собственных верований, потому что, прочитав такую книгу, он или вовсе отказывается от своего убеждения, или умеряет его, или, наконец, еще более в нем утверждается. Такой книге охотно можно простить даже и парадоксы, тем более, если они искренны и автор их далек от того, чтоб подозревать в них парадоксы. Вот другое дело – парадоксы умышленные, порожденные эгоистическим желанием поддержать вопиющую ложь в пользу касты или лица: такие парадоксы не стоят опровержения и спора; презрительная насмешка – единственное достойное их наказание...

Не будем пускаться в исследования – к какому роду и виду поэтических произведений принадлежит «Тарантас». В наше время, слава богу, признается в мире изящного только один род – *хороший*, запечатленный талантом и умом, а обо всех других родах и видах теперь никто не заботится. Наше время вполне принимает глубоко мудрое правило Вольтера: «все роды хороши, кроме скучного». Но мы, в отношении к этому правилу, гораздо последовательнее самого Вольтера, который противоречил своему собственному принципу, держась преданий и поверий французского псевдоклассицизма. К правилу Вольтера: «все роды хороши, кроме скучного» наше время настоятельно прибавляет следующее дополнение: «и несовременного», – так что полное правило будет: «все роды хороши, кроме скучного и несовременного». Поэтому мы, если не признаем безусловно хорошим всего, что имело огромный успех в свое время, то во всем этом видим хорошие стороны, смотря на предмет с *исторической* точки. Вследствие этого, удивляясь великим гениям Данте, Шекспира, Сервантеса, наше время не отрицает заслуг Корнеля, Расина и Мольера; не становясь на колени перед Ломоносовым, Державиным, Озеровым, Карамзиным, не видя в них слишком многого для себя собственно, – тем с не меньшим уважением произносит имена их, как людей, чьих творения, в *их* время, были *современно* хороши, то есть удовлетворяли потребностям их современников. Чисто художественная критика, не допускающая исторического взгляда, теперь никуда не годится, как односторонняя, пристрастная и неблагодарная. Художественность и теперь великое качество литературных произведений; но если при ней нет качества, заключающегося в духе современности, она уже не может сильно увлекать нас. Поэтому теперь посредственно художественное произведение, но которое дает толчок общественному сознанию, будит вопросы или решает их, гораздо важнее самого художественного произведения, ничего не дающего сознанию вне сферы искусства. Вообще наш век – век рефлексии, мысли, тревожных вопросов, а не искусства. Скажем более – наш век враждебен чистому искусству, и чистое искусство невозможно в нем. Как во все критические эпохи, эпохи разложения жизни, отрицания старого при одном предчувствии нового, – теперь искусство – не господин, а раб: оно служит посторонним для него целям.

Мы сказали, что «Тарантас» графа Соллогуба – произведение художественное; но к этому должны прибавить, что оно в то же время и современное произведение, – что составляет одно

из важнейших его достоинств, которому обязано оно своим необыкновенным успехом. Следовательно, «Тарантас» – художественное произведение в современном значении этого слова. Оттого в него вошли не только рассуждения между действующими лицами, но и целые диссертации. Оттого оно – не роман, не повесть, не очерк, не трактат, не исследование; но то и другое и третье вместе. Пусть называет его каждый как кому угодно: тут дело в деле, а не в названии. «Тарантас» имел большой успех: его не только раскупили и прочли в короткое время, но одним он очень понравился, другим очень не понравился, третьим очень понравился и очень не понравился в одно и то же время; одни его хвалят без меры, другие бранят без меры, третьи и хвалят и бранят вместе; автор через него приобрел себе и друзей и врагов; о его произведении говорят, судят и спорят. Это успех! По нашему мнению, незавиден успех произведения, которое возбудило бы одни похвалы, одну любовь, без порицаний, без ненависти; подобный успех немногим лучше полного неуспеха, то есть когда произведение возбуждает одну брань без похвалы, – хотя то и другое все-таки лучше, нежели не возбудить ни похвалы, ни брани, а встретить одно равнодушное невнимание.

Этот-то необыкновенный успех «Тарантаса» и налагает на критику обязанность – рассмотреть его внимательно, со всех сторон. Для этого необходимо проследить все развитие этого произведения, беспрестанно выражаясь словами автора или прибегая к выпискам. Такой способ критики несколько не опасен для «Тарантаса» как книги: он упредил нашу статью слишком тремя месяцами, а в это время его уже везде прочли, и едва ли найдется хотя один читатель, который прочел бы нашу статью, еще не успев прочесть «Тарантаса».

Русская литература, к чести ее, давно уже обнаружила стремление быть зеркалом действительности. Мысль изобразить в романе *героя нашего времени* не принадлежит исключительно Лермонтову. *Евгений Онегин* тоже – герой своего времени; но и сам Пушкин был упрежден в этой мысли, не будучи никем упрежден в искусстве и совершенстве ее выполнения. Мысль эта принадлежит Карамзину. Он первый сделал не одну попытку для ее осуществления. Между его сочинениями есть неконченный, или, лучше сказать, только что начатый роман, даже и названный «Рыцарем нашего времени». Это был вполне «герой того времени». Назывался он *Леоном*, был красавец и *чувствительный* мечтатель. «Любовь питала, согревала, тешила, веселила его; была первым впечатлением его души, первую краскою, первую чертою на *белом листе ее чувствительности*». Он и родился не так, как рождаются нынче, а совершенно романически, совершенно в духе своего времени. Судите сами по этому отрывку: «На луговой стороне Волги, там, где впадает прозрачная река Свияга, и где, как известно по истории *Натальи, боярской дочери*, жил и умер изгнанником невинный боярин Любо-славский, – там, в маленькой деревеньке, родился прадед, дед, отец *Леонов*, там родился и сам *Леон*, в то время когда природа, подобно любезной кокетке, сидящей за туалетом, убиралась, наряжалась в лучшее свое весеннее платье; белилась, румянилась... весенними цветами; смотрелась в зеркало... вод прозрачных, и завивала себе кудри... на вершинах древесных – то есть в мае месяце, и в самую ту минуту, как первый луч земного света коснулся до его глазной перепонки, в ореховых кустах запели вдруг соловей и малиновка, а в березовой роще закричали вдруг филин и кукушка: хорошее и худое предзнаменование! по которому осьмидесятилетняя повивальная бабка, принявшая *Леона* на руки, с веселою усмешкою и с печальным вздохом предсказала ему счастье и несчастье в жизни, ведро и ненастье, богатство и нищету, друзей и неприятелей, успех в любви и рога при случае». Этого слишком достаточно, чтоб показать, что Карамзин имел бы полное право своего «Рыцаря нашего времени» назвать «Героем нашего времени». В повести «Чувствительный и холодный» (два характера) Карамзин в лице своего *Эраста* тоже изобразил одного из героев своего времени. В юмористическом очерке «Моя исповедь» представил он еще одного из героев своего времени, хотя и совсем в другом роде, нежели в каком были его *Леон* и *Эраст*. После *Онегина* и *Печорина* в наше время никто не брался за изображение героя нашего времени. Причина понятна: герой настоящей минуты – лицо в одно и то же

время удивительно многосложное и удивительно неопределенное, тем более требующее для своего изображения огромного таланта. Сверх того наша современность кипит необыкновенным разнообразием героев: в этом отношении Чичиков, как *приобретатель*, не меньше, если еще не больше Печорина – герой нашего времени. И потому вся современная русская литература, по необходимости приняв исключительно юмористическое направление, устремилась на изображение героев современности, смотря по силе и средствам таланта каждого писателя.

Иван Васильевич,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Краткая рецензия на «Тарантас» была напечатана в «Отечественных записках», 1845, т. XXXIX, № 4, отд. VI, стр. 19–20. (Полн. собр. соч., т. IX, стр. 279–280.)

16.

Первая книга литературного сборника, составленного графом В. А. Соллогубом, «Вчера и сегодня» вышла в свет в 1845 году. Незаконченные отрывки из повестей Лермонтова, здесь напечатанные: «У графини В... был музыкальный вечер...» и «Я хочу рассказать нам...». Рассказ Соллогуба «Собачка», выразительно рисующий нравы уездных чиновников, был написан на основе устных воспоминаний М. С. Щепкина.